

Евгений Александрович Прилуцкий

# Человек в путах реальности



Евгений Прилуцкий

# **Человек в путах реальности**

«Издательские решения»

## **Прилуцкий Е. А.**

Человек в путях реальности / Е. А. Прилуцкий — «Издательские решения»,

В сборник вошли произведения, затрагивающие темы, связанные с пониманием духовности, среди которых: особенности и объективные факторы явления святости, иллюзорность опыта умирания, приоритет безопасности при освоении духовного мира.

## Содержание

Святые в мировых религиях	6
Предисловие	6
Святость и святыя	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Человек в путях реальности  
о проблемах духовности  
Евгений Александрович Прилуцкий**

© Евгений Александрович Прилуцкий, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

# Святые в мировых религиях

## Предисловие

Из глубины пустыни горячий ветер нес пыль с песком. Ночь была душной, воздуха не хватало. В полутемной пещерке пустытника скудный свет от лампы освещал лицо и руки старца в выцветшем балахоне. Уставшими глазами он смотрел на огонь и еле слышно шептал молитву. Пещерка была единственным обитаемым местом на несколько стадий вокруг. Грязно-черное небо закрыло звезды, и только самые большие из них низко и как-то неуверенно мерцали в его середине... Сколько дней он воздерживался от пищи? Ночь сегодня тянулась особенно долго. Борьбы с собой уже не было. Он вспоминал, как приходилось заставлять себя повторять молитвы, как мучили голод и жажда... Казалось еще немного, и он не выдержит... А теперь было легко и даже радостно. Он не чувствовал себя одиноким. Рядом всегда присутствовал тот, ради которого он жил. Бог бывает и Господом, и Учителем, и Отцом, и лучшим другом, который никогда не предаст...

Временами он совсем забывал о душной ночи, о пустыне и надоевшем ветре...

Минуло три века, как по земле прошел Иисус. За ним прошли апостолы. Христианство, несмотря на жестокие преследования римской языческой власти, крепло и развивалось. Возникли христианские церкви, росло число общин. А гонители Иисуса сами оказались изгнанными. Была ли в том кара Творца? – ему одному известно... Преображенные верой в Христа, христиане воплощали собой новый, более совершенный мир. Презирая славу, богатство и удобства обычной жизни, самые мужественные из них уходили в пустыню, чтобы победить вековой грех и спастись.

Так или почти так могла бы начинаться повесть о первых пустыниках. На мой взгляд, это интереснейшее событие в истории христианства. Конечно, обрисованная моим воображением картина идеализирована, и, вероятно, переполнена пафосом и романтикой. На самом деле жизнь пустытников была куда прозаичнее и труднее, внешне. А внутренне она должна была быть именно такой – охваченной возвышенным порывом. И отношения с сакральным отличались – Бог и ангелы являли себя чаще. Божественный мир был ближе.

Быстрый процесс огосударствления христианства при императоре Константине послужил поводом для обвинений церкви в стремлении к светским успехам. На этом фоне в христианстве возникло совершенно новое направление духовного подвижничества. История отшельничества в христианстве начинается с Антония Великого. Как известно, он отдал бедным свое имущество, оставшееся от богатых родителей, и покинув город, уединился. Много лишений и искушений вынес он.

Почему Антоний поступил подобным образом, зачем? Ответ, видимо, один – на то была воля Господа, предначертавшего духовную и земную судьбу Антония, выразившаяся в его неосознаваемом душевном влечении к одиночеству и общению единственно с Богом. Одиночество и аскетизм помогли ему достичь редкостных высот в духовном развитии.

«Уже двадцать лет жил Антоний в своем уединении, когда некоторые из друзей его, узнав о его местопребывании, пришли, чтобы поселиться вокруг него. Долго они стучали к нему и просили его выйти к ним из своего добровольного заключения; наконец решились уже выломать двери, как Антоний отворил их и вышел. Они удивились, не найдя в нем следов изнурения, хотя он подвергал себя величайшим лишениям. Небесный мир царствовал в его душе и отражался на лице. Спокойный, сдержанный, ко всем одинаково приветливый, старец скоро сделался отцом и наставником многих. Пустыня оживилась: в горах кругом явились обители

иноков; множество людей пело, читало, постилось, молилось, трудилось, служило бедным. Святой Антоний не давал своим ученикам каких-либо определенных правил для монашеской жизни. Он заботился только о том, чтобы укоренить в них благочестивое настроение, внушал им преданность воле Божией, молитву, отрешение от всего земного, неусыпный труд.» (1)

Примеру Антония последовали сотни и тысячи подвижников. Исход христиан из городов наблюдался в Месопотамии, Сирии, Армении, Египта. В Сирии появились странствующие святые.

Пресвитер Руфин, римлянин, посетил многих египетских отшельников и составил о них повествования. Хочу дать вам возможность прочесть некоторые отрывки. Свои истории Руфин начинает с рассказа о святом Иоанне. Святой жил в Фиваидской пустыне на высокой скале. Вход в обитель был загорожен, и никто на протяжении полувека не проникал в нее. С приходившими за советом и утешением Иоанн разговаривал через оконце. «Сам же он пребывал лишь в Боге, ни днем, ни ночью не удаляясь от молитвенной беседы с Ним. Такой Божественный и непостижимый дар стяжал он всецелой чистотою души! И чем более он удалялся мирской суеты и мирских бесед, тем больше приближался к Богу.»

Нисколько не думая о себе, он заботился лишь о страждущих. От строгого воздержания в пище тело его исхудало. Волос на голове и в бороде было немного, как после сильной болезни. Тщеславие он считал тяжким и весьма опасным пороком, а себя – простым и незначительным человеком, в котором нет ничего такого, чтобы к нему стремиться, а тем более – удивляться... Отрешиться от мира и служения дьяволу, т. е. покинуть любостяжательность, корысть и прочую мирскую суету, – на словах недотаточно. Нет, необходимо отказаться от порочности в душе, отбросить вредные и пустые наклонности.

Иоанн продолжил свое поучение пришедшим к нему Руфину и нескольким его товарищам:

«Итак, если мы предстанем пред Богом, как я выше сказал, с чистым сердцем, свободные от всех упомянутых пороков и страстей (тщеславия, лжи и т. д. – Е. П.), мы можем, насколько это возможно, даже узреть Бога – молясь Ему, устремлять на Него око нашего сердца, и видеть Невидимого, конечно, не телесными очами, но духом – созерцанием души... Да не подумает кто-либо, что он может видеть самую сущность Божию, как Бог есть Сам в Себе, так, чтобы мог представить себе, в своей душе, какое-либо очертание или образ, подобный какому-нибудь плотскому образу. Нельзя представить себе в Божестве ни формы, ни очертания. Он – чувство, разум, о Котором мы можем размышлять в глубине сердца, и Который проникает Собою нашу душу. Но Его нельзя обнять мыслию, ни описать, ни изобразить словом. Поэтому должно приближаться к Господу с возможным благоговением и страхом. Созерцание души должно держать на такой высоте, чтобы всегда сознавать Бога выше всевозможного блеска, света, сияния, величия, выше всего того, что только может изобразить разум человеческий, да и то при чистоте сердца, без малейшей примеси какой-либо скверны нечистого желания. Об этом-то и следует больше всего заботиться тем, которые выражают желание отречься от мира и служить Богу, как написано: упразднитесь и уразумеете, яко Аз есмь Бог (Пс. 45,11). Когда кто таким образом познает Бога, насколько это возможно для человека, тогда постигнет вместе с тем и все остальное, постигнет и тайны Божии, и чем чище будет душа его, тем больше откроет ему Бог, явит ему и тайны Свои. Он становится уже другом Божиим, наравне с теми, о которых сказал Спаситель: не к тому вас глаголю рабы, но други (Иоан. 15, 15). И все, что не попросит у Бога, дает ему Бог, как дорогому другу. И самые силы ангельские, и весь таинственный небесный мир возлюбят его, как друга Божия, и будут исполнять все прошения его. Это тот, кого уже не отлучит от любви Божией во Христе Иисусе ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни власти и никакое творение. Потому-то, возлюбленные, так как вы уже избрали жребий угождать Богу и стяжать любовь к Нему, постарайтесь удаляться от всякого тщеславия, от всех скверн душевных и от всех чувственных услаждений.» (2)

Своими духовными подвигами прославился святой Аполлоний. В окрестностях того места, где он жил, расположены были языческие поселения. «Там процветало сатанинское суеверие. И храм был весьма обширный, в котором стоял истукан. В сопровождении огромной толпы народа жрецы обносили его по селениям, неистовствуя на подобие вакханок. Свое мерзкое служение совершали они, как бы испрашивая дождя. Случилось как раз во время совершения этих бесчинств проходить мимо тех мест блаженному Аполлонию с несколькими из братьев. И увидел он толпы несчастных – точно злой дух увлекал их к неистовству... Пожалел их авва и, склонив колена, призвал Господа и Спасителя нашего. И все, кто только участвовали в бесовском бесчинстве, остановились, вместе с истуканом, и не могли продолжать шествия – невидимая сила удерживала их на месте... Весь день тот палил их нестерпимой зной, и не знали они о причине, преградившей им путь... И сказали народу языческие жрецы:

– Вблизи пустыни живет один христианин, по имени Аполлоний. Его это дело... Если он не смилуется, нам не избежать беды...

Привели волов, силою которых надеялись было сдвинуть истукана с места. Но ничто не помогало. Все было тщетно... Тогда отправляют послов к человеку Божию... Авва немедленно приходит к ним и, сотворив молитву, разрешает их. И все немедленно и единодушно бросаются к нему, с верой поклоняясь Богу и вознося благодарение. Деревянный истукан предается пламени, а люди следуют за человеком Божиим и, обученные им основам веры, вступают в лоно Церкви Божией. Многие остались с аввою, и даже и теперь их можно видеть в обителях. Слава о дивном событии далеко распространилась, и многие обратились ко Господу, так что в тех странах совсем почти не осталось язычников.» (3)

Среди других отцов, обретавшихся в пустыне, Руфин называет Ора, который был отцом многих обителей. В своем одеянии, с большой белой бородой, девяностолетний старец казался ангелом Божиим. Взор его светился чем-то сверхчеловеческим... Ор вырастил для братьев целые рощи с тем, чтобы они не имели нужды отлучаться далеко за дровами. В пещерах на скале, нависшей над рекой, жило множество отшельников и с ними – авва Питирион, ученик блаженного Антония. Он особенно подробно наставлял тому, как различать злых духов. Про Аммона, положившего начало пустынножительству в Нитрии, рассказывали, что богатые родители принудили его вступить в брак. В брачную ночь Аммоний говорил своей молодой супруге о целомудрии и хранении девства:

– Растление без сомнения и поведет к тлению. Напротив – целомудрие породит нетление. Лучше нам обоим сохранить девство, чем потерпеть друг от друга растление.

Девушка согласилась с ним, и взаимным молчанием охранялась тайна целомудрия.

О многих святых отцах поведал пресвитер Руфин, об отшельниках и служителях церкви. О том, как собиравшиеся вместе совершенствовались в духовных подвигах.

Даже существовал христианский город, который свидетельствовал, что мир мог бы быть добрее, если бы он был христианским, и не на словах, а на деле:

«Пришли мы в один город в Фиваиде – в Оксиринх. В этом городе мы нашли так много примеров христианского благочестия, что трудно дать понятие об этом в рассказе. Иноки встречались нам со всех сторон в окрестностях города, а внутри он весь наполнен ими. Какие только в нем были общественные здания и храмы древнего суеверия – все обратилось в жилища иноков. Во всем городе, казалось нам, было гораздо больше монастырей, чем частных домов. Город весьма обширен и многолюден, и в нем двенадцать церквей, в которых собирается народ для общественного Богослужения. Обители не входят в это число, а в каждой есть свое здание для Богослужения. В воротах города, в башнях, в каждом уголке – везде иноки – и отовсюду денно и ночью возносятся хвала Богу и песнопения... Весь город обратился как бы в один храм...

Нет там ни еретиков, ни язычников – только одни христиане, одни православные... И не будет никакого различия – совершит ли епископ Богослужение на улице или в храме...



Что сказать о том, что сделало население города для нас? Лишь только завидели нас, как бросились к нам навстречу, как к ангелам, и воздали нам приветствие, которое не могу выразить словами. Что сказать об иноках и инокинях, которых, как сказано выше, там множество?.. От святого епископа того места мы узнали, что в городе находится 20000 инокинь и 10000 иноков. Мы не можем описать словами их радушия, их услуг...

Мы видели там много, много святых отцов, получивших от Бога различные виды благодати – то дар разума слова Божия, – то дар воздержания, – то дар знамений и великих добродетелей...» (4)

Очень советую вам прочесть интереснейшие рассказы Руфина.

В первой половине IV века крестьянин по имени Пахомий объединил пустынных в монашескую общину. Монахи поддерживали и помогали друг другу не только в быту, но и в духовных исканиях. К V веку община насчитывала уже около семи тысяч человек. Монашество и отшельничество стали восприниматься как новые формы мученичества. Тех, кто стяжал духовные подвиги в столь суровых условиях, глубоко почитали, ими восхищались современники. (5)

Пустынники и монахи – самый яркий пример духовной самоотверженности. Многие шли другими путями, – не порывая с обществом. Были среди святых и миряне.

Чтобы подняться над духовной и нравственной обыденностью, вовсе не обязательно уходить в пустыню или в лес. Для этого нужно погрузиться в мир внутренний, в мир души, знающей Бога и стремящейся к нему. Предмет, который следует изучать здесь, – конечно, святые. Каждый святой – некая модель пути к Богу, более совершенная, или менее.

Святой не существует сам по себе. Он существует только во взаимоотношениях с Богом. Привязанность ко всему земному, плотскому лежит на нашем сознании тяжелым грузом. Думаю, нет человека, который хотя бы раз не испытывал внутренний протест против собственного греха. Но что заставляет преодолевать эту привязанность к греху и избавляться от него? Постараемся понять, обратившись к жизни святых, их личностям и природе святости.

Мы не будем ограничиваться христианскими святыми. Наоборот, – посмотрим каковы же святые в других религиях, и сравним их с христианскими.

#### Ссылки и комментарии

1. Преподобный Антоний Великий. Миссионерский листок номер А-1. Изд-во храма Покрова Пресвятой Богородицы. Ред.: Архимандрит Александр Милеант. – <http://www.fatheralexander.org>.

2. Пресвитер Руфин. Жизнь пустынных отцов. – <http://pravbeseda.ru>.

3. Там же.

4. Там же.

5. Фрэнкель С. С. Христианство. Путь к спасению. – Религиозные традиции мира. В 2-х тт. Т.1/Пер. с англ. – М.: Крон-Пресс. – С.373—374.

## Святость и святые

Начну с вопроса, который задал верующий Евгений священнику на сайте Православие.ру: «Что значит быть святым, и в чем должна проявляться наша святость, которую от нас требует Господь?».

Отвечает иеромонах Иов (Гумеров): «Святой (евр. кадош; греч. агиос) означает отделенный, чистый, избранный Божий (Ис.4:3). В точном значении святым является только Бог, не имеющий ничего общего с грехом и нечистотой. Когда Господь говорит: будьте святы, ибо Я свят (Лев. 11:44—45; 19.2; 20.7,26; 1 Пет 1.15—16), то призывает всех людей к той праведной жизни, которую можно достигнуть только точным исполнением Божественных заповедей. „Свят же тот, кто очистился и освятился по внутреннему человеку“ (преп. Макарий Великий. Духовные беседы).» (1) Это православная точка зрения.

Приоритеты и подходы к святости пытается обозначить и наука. Традиционный вариант научной концепции в данной области определяет святость в религии как мистифицированное представление о неких возвышенных свойствах сверхъестественных сил, людей и объектов. Она абсолютизируется богословием и превращается в догму. Для верующих святость – реально существующие мистические качества. Носитель святости, святой или священный объект, обладает так называемой божественной благодатью – чудодейственной силой. Святая личность или священный объект окутывается ореолом таинственности, фетишизируется соответственно идеям данного культа. В религиозной этике отношение к священному, святости и святым рассматривается важнейшим признаком нравственности личности. Под определяющим влиянием общественного бытия содержание понятий «святость» и «священное» наполняется элементами, отражающими социальные идеалы, взгляды и потребности последователей данной религиозной системы (2). Очевидно, что научный метод позволяет лишь описывать подобные явления.

Наука, особенно консервативная, судит о сакральном по его внешним показателям и объясняет природу сакрального через социальное, но также и психологически. Сам метод здесь отменяет Бога и не допускает существования непознаваемой трансцендентной реальности.

Познакомимся с представлениями о святости в других религиях (помимо христианства).

Иудаизм на «ты» и с этим предметом: «Древние мудрецы различали три вида святости: святость Имени Всевышнего, святость Шаббата и святость Израиля. Святость Шаббата предшествует святости Израиля. Святость Святой земли проистекает из святости народа Израиля. Эта земля не была святой во времена Тераха и даже в эпоху патриархов. Она была освящена еврейским народом, когда он вступил в нее, ведомый Иегошуа бен-Нуном. Земля была освящена народом, а Шаббат был освящен Б-гом. Однако святость Шаббата не тождественна святости праздников. Святость праздников зависит от действий человека. В эпоху Храма именно человек устанавливал календарь, определяя, на какой день недели выпадет праздник.

Если начало нового месяца не было своевременно установлено, евреи не могли праздновать Песах. Иное дело – Шаббат. Даже когда люди забывали о Шаббате, это никак не отражалось на его святости.

Несмотря на упомянутые различия, все упомянутые виды святости таинственным образом переплетены между собой. Святость времени наиболее ярко выражена в праздновании Шаббата.» (3)

«В отличие от христианского общества, в котором „носителями святости“ является выделенная прослойка людей (священники) – в иудаизме носителем святости является весь народ; при этом самый последний водовоз по параметру этой „личной святости“ ничем не уступает самому великому раввину.» (4)

«Святость, или священность („кедуш“ на иврите) – это возвышение человека и его поступков от уровня примитивного существа (животного, млекопитающего, каким, в сущности, и является человек) до уровня разумного, богоподобного существа. Как видите, понятие „святости“ в иудаизме более конкретно и менее метафизично, нежели в некоторых других религиях.» (5)

Ислам относится к святым неоднозначно. «Святость – это исключительное свойство, определяемое Аллахом. Только Он ниспосылает качество святости и наделяет им особо избранных, а также предметы и места, которые надлежит почитать... Святые являются носителями божественного благословения, и по повелению Бога от них оно может переноситься на других людей. Но и сами рядовые правоверные могут обретать часть святости, соблюдая предписания Аллаха, прикасаясь к святыням благословенной Мекки и Медины.» (6)

В Средней Азии существуют предания о родстве святых с их почитателями. Мусульманская святыня связана с личностью какого-либо святого, с местом, где он погребен, или жил, или пил чай, или молился, поэтому в исламе почитаются и места, и сами святые (7). К фамилии человека, совершившего хадж, в Средней Азии добавляли приставку или окончание «хаджи» (ходжи). Большинство известных в исламе святых были суфиями.

Однако мусульманские фундаменталисты в почитании святых видят идолопоклонство. Кораническое понятие аулийа Аллах переводится словами «друзья Бога». О святости отдельных людей в Коране не говорится. Известный религиовед К. Эрнст в работе «Суфизм» пишет: «Ранние суфийские писатели настаивали, что святость (валайа) лежит в основе суфизма... Кушайри определяет вали (святого – Е. П.) двояко: во-первых, как того из благочестивых, за которого отвечает Бог; во-вторых, как того, кто отвечает за почитание Бога и послушание Ему при непрестанном Его почитании.» (8)

Думаю, не следует забывать и о языческих религиях, таких как зороастризм и, особенно, индуизм.

В зороастризме бога Ахурамазду окружают «семь бессмертных святых». В них персонифицированы благие качества и добродетели: благая мысль, лучшая справедливость, вожденное царство, святое смирение, здоровье, совершенство и бессмертие, послушание. Дух Святого благочестия – один из спутников бога Ахурамазды, один из бессмертных духов Амеша Спента (9).

В индуизме, конечно, сложились собственные представления о святости. Есть в нем и слова, обозначающие святых. Энциклопедия индуизма, джайнизма и сикхизма содержит два таких понятия: «садху (букв. прямой, правильный, превосходный, „добродетельный“) – термин, обычный в применении к аскетам и святым в индуизме, а также иногда и к ревностно верующим мирянам» и «сант (букв. существующий, благой, святой) – одно из названий святых, чаще всего поэтов-бхактов Севера и Запада Индии.» (10)

Идеи индуизма об отмеченных божественными силами людях этим не ограничиваются. Больше известно нам понятие «аватар», и менее – понятие «вибхути». Слово «аватар» в общепринятом понимании означает божественное проявление в человеческом образе. Вибхути – божественная сила, сила Бога в человеке.

А теперь о буддизме. Основными понятиями, применяющимися в нем к святым, являются понятие «архат», выражающее высший идеал святости в буддизме Хинаяны (Тхераваде), и относящееся к буддийскому святому, достигшему нирваны при жизни (11), и понятие «бодхисатва». Святого в буддизме еще иногда называют «арья».

Буддизм, с его тягой к рациональному объяснению вещей и количественно-символическому обозначению духовных явлений, выделяет уровни святости: «В южном буддизме, восходящем к первоначальной традиции (тхеравада), различаются четыре ступени святости, «четыре дороги»... Вторая ступень есть Сакрдагамин, «кто еще раз возвращается», это стадия святости. Вожеление, ненависть и обольщение он уничтожил вплоть до небольшого остатка

и поэтому только еще один раз возродится в этом мире. Анагамин, «который не возвращается», не возродится уже более на земле, но возродится в мирах богов, откуда он и достигнет высшей нирваны. Четвертая и последняя ступень – это Архат. Ее не может достигнуть мирянин, а только монах. Архат – тот, кто достигает земной нирваны, кто свободен от всех грехов, кто оставил всякое стремление к существованию, не боится ни жизни, ни смерти и наслаждается непоколебимой безмятежностью...

Кроме этого деления на четыре степени или ранга, северные буддисты (которые относят себя к церкви махаяна, а приверженцев тхеравады называют принадлежащими к церкви хинаяна) имеют еще другое деление – на три класса: Шравака – «Ученик», «Малый» (хина), «Слушатель»; Пратьекабуддха – «Будда для себя»; и Боддхисатва – «Будущий Будда», «Большой» (маха), «Спаситель»... Пратьекабуддха только одной ступенью ниже архата. Он может достигнуть сам высочайшей нирваны, но он не способен передать открытое им знание людям, «подобно тому, как немой может видеть важный сон, но не может объяснить его другим»... Боддхисатвы же – это существа, которые не только в состоянии достичь нирваны, но и рассказать об этом другим, а значит и указать другим путь к спасению (12). Так, Будда был Боддхисатвой до 34 лет, когда он победил Мару и пошел проповедовать учение. Высоко над всеми тремя классами и всеми другими существами стоит святой, возвышенный Будда, просветленный или совершенно просветленный (Татхагата).» (13)

Но есть религии, которые можно назвать объединительными. Это прежде всего бахаизм, вышедший из недр шиитского ислама. Вероучение бахаизма является синтезом догматических положений ряда религий, прежде всего ислама (в форме бабизма) и христианства (14). Святость в бахаизме приписывается главным образом новоявленному «пророку» и «святому избраннику» – самому Баха-Алаху (15).

А в такой новой экзотической религии (тоже объединительной) как кайдао в качестве святых почитаются самые разные люди, например, Виктор Гюго.

И вновь к христианству. Мне представляется небезынтересным мнение американской исследовательницы С. С. Фрэнкель по вопросу различий между западной и восточной церквями. Христианство пришло на Запад позднее, потому что римские сенаторы и высший класс общества долго сохраняли верность традиционному почитанию языческих богов. Странствующих святых и монахов в Риме не слишком привечали – если только они не выказывали повиновения официальной церковной власти. «Что касается святых мучеников, то, как сказал историк Питер Браун, они надежно умерли, и церковная иерархия могла распоряжаться их алтарями. В целом же принадлежность к сонму святых была очевидной монополией представителей церкви: римских священников, епископов и патриархов, которых стали называть „папами“.»

В отличие от Рима, на Востоке сохранялась сильная императорская власть, и чин восточного императора был наполовину духовным. «Светская власть проникала в церковь, а духовная – во все сферы жизни общества, так как различные святые и монахи жили по деревням и городам во всех странах Востока.

Христианская духовность была там более доступной, не являясь прерогативой элиты. Возможен был непосредственный контакт верующего со святыми. Одно из положений учения восточной церкви гласило, что «Бог стал человеком с тем, чтобы человек мог стать Богом».

Запад сконцентрировался на величии Божьего труда в мире, в особенности на крестной жертве Христа во имя человечества. «Внимание православной церкви было сосредоточено прежде всего на мистической цели христианской жизни: знании Бога, единении с Христом, единстве с Божественным. Упор делался не на очищении, а на обожении... Таким образом, восточная церковь лелеяла идею непрерывного превращения человека благодаря божественному присутствию, в то время как церковь Запада поощряла стремление к совершенству путем

дисциплины, смирения и самопожертвования.» Но ни в коем случае нельзя утверждать, подчеркивает Фрэнкель, что эта тематика в восточном христианстве отсутствовала (16).

Русские религиозные философы о католической святости рассуждали очень противоречиво. Сравним В. Розанова и Н. Бердяева. Розанов писал: «Самый тип святости в католичестве иной, чем у нас. В то время как на Востоке культивировались идеи тихости, невозмутимости и незамутимости, а в случае страдания – покорности, на Западе входили в культ идеи силы и деятельности. Пассивно-терпеливое христианство и христианство активно-поборающее, – так лучше всего можно выразить восточную и западную религиозные идеи.» (17)

Бердяев же писал о католичестве другое: «Сравните св. Серафима Саровского, величайшее явление мистической святости в православии, с св. Терезой, мистической святостью католичества. Православная мистика более мужественная и волевая, католическая мистика более женственная и чувственная. В восточноправославной мистике Христос принимается внутрь человека, становится основой жизни, в западнокатолической мистике Христос остается предметом подражания, объектом влюбленности, остается вне человека. Подражание страданиям Христовым, вплоть до принятия стигматов, есть последнее слово католической мистической чувственности. Сладость страстей Господних, упоение ранами Христовыми – вот пафос католической мистики.» (18)

Я бы добавил еще одну краску. Католик Мэл Гибсон не случайно снял фильм «Страсти Христовы», продемонстрировав какое-то нездоровое внимание к страданиям Христа, но, надо отметить, и религиозное чувство собственной вины за учиненную над ним казнь. В православии прежде всего радуются воскресению Спасителя, его победе над смертью. Люди склонны понимать Христа различным образом, и соответственно подражают ему в его святости.

А протестанство, похоже, утратило что-то очень важное. В его позднем варианте известно разже «Движение святости», основанное на учении о нескольких последовательных «благословениях свыше», получаемых человеком в течение жизни (19).

И все таки, какова же православная святость? Профессор Московской духовной академии А. И. Осипов, опираясь на П. Флоренского, характеризует православную святость так: «Широкий анализ понятия святости дает в своем «Столпе...» священник Павел Флоренский. Приведем здесь некоторые его мысли:

«Когда мы говорим о Святой купели, о Святом Мире, о Святых Дарах, о Святом Покаянии, о Святом Браке, о Святом Елее... и так далее, и так далее, и наконец о Священстве, каковое слово уже включает в себя корень «свят», то мы прежде всего разумеем именно неотмирность всех этих Таинств. Они в мире, но не от мира... И такова именно первая, отрицательная грань понятия о святости. И потому, когда вслед за Таинствами мы именуем святым многое другое, то имеем в виду именно особливость, отрезанность от мира, от повседневного, от житейского, от обычного – того, что называем святым... Посему, когда Бог в Ветхом Завете называется Святым, то это значит, что речь идет о Его надмирности, о Его трансцендентности миру...

И в Новом Завете, когда множество раз апостол Павел называет в своих посланиях современных ему христиан святыми, то это означает в его устах прежде всего выделенность христиан из всего человечества...

Несомненно, в понятии святости мыслится, вслед за отрицательной стороной ее, сторона положительная, открывающая в святом реальность иного мира»...

Таким образом, по мысли отца Павла, святость это, во-первых, чуждость по отношению к миру греха, отрицание его. Во-вторых – она конкретное положительное содержание, ибо природа святости Божественна, она онтологически утверждена в Боге. В то же время святость, подчеркивает он, не моральное совершенство, хотя она и соединена с ним неразрывно, но «соприсущность неотмирным энергиям». Наконец, святость есть не только отрицание, отсутствие

всякого зла и не только явление иного мира, Божественного, но и незыблемое утверждение «мировой реальности через освящение этой последней».

Эта, третья, сторона святости говорит о том, что она является силой, преображающей не только человека, но и мир в целом так, что «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15, 28). В конечном счете все творение должно стать иным («И увидел я новое небо и новую землю» (От. 21,1) и являть собой Бога.. Но в этом процессе со стороны творения активную роль может играть только человек, потому на него возлагается вся полнота ответственности за тварь (Рим. 8, 19—21). И здесь с особой силой открывается значение святых, ставших в условиях земного бытия начатком (Рим. 11; 16) будущего всеобщего и полного освящения.. Святые – это прежде всего иные люди, отличные от живущих «по стихиям мира сего, а не по Христу» (Кол. 2,8). Иные потому, что они борются и с помощью Божией побеждают «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую» (1 Ин. 2,16) – все то, что поработщает людей мира сего. В этой выделенности святых из мира троякой похоти, из атмосферы греха, можно видеть одну из принципиальных характеристик святости и единство первоначального апостольского и церковно-традиционного ее понимания..» (20)

Мы говорим о святости и о святых, но, как это ни покажется странным, время от времени появляются и лже-святые, самозванцы. Немало людей, которые претендуют на богоизбранность и святость, более того – на новое воплощение Бога-Христа, как Виссарион (21).

В христианстве, католической и православной церквях, периодически проводится специальный акт причисления какого-либо подвижника к лику святых. В словаре церковных терминов указывается, что «основаниями для канонизации являются: мученическая смерть за исповедание христианства; исцеления и чудотворения, совершенные прославляемым при жизни и посмертно; достойная и святая жизнь; заслуги в распространении христианства; народное признание святости прославляемого; нетленность мощей.

Канонизация местных святых совершается епархиальным архиереем, а общецерковных святых – собором. В православной церкви нет особого чина канонизации, на основании соборного решения в избранный день совершается торжественная служба святому и т. о. устанавливается его почитание.» (22)

Был ли тот или иной подвижник святым, окончательно судят после его смерти и через длительный срок.

В русском православном месяцеслове упоминаются свыше 2200 мужских имен святых и свыше 600 женских. В других, нехристианских религиях подобной канонизации нет.

Деятельность многих святых имеет национальную и даже межконфессиональную ценность. Без преувеличения, символом духовного возрождения России для всех православных верующих становится Серафим Саровский. Празднование связанных с его жизнью дат приобрело общественное звучание. Такими были и мероприятия по случаю 300-летия Саровской пустыни. В Послании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия говорится:

«Богopodobное житие этого великого угодника Божиего являет нам, современным христианам, дивный образец жизни по Евангелию, пример подлинно христианской любви к ближнему, выражением чего были слова пасхальной радости, с которыми преподобный обращался к каждому приходящему: „Радость моя! Христос Воскресе!“»

«Единство со Христом, приобретенное многими аскетическими подвигами и постоянным пребыванием в молитве, стало для святого неисчерпаемым источником радости, которая, произливаясь из его Богопросвещенного сердца, питала благодатью Божией всех приходящих к нему людей.»

«В современных условиях продолжающегося оскудения живой, искренней и твердой веры, широкого распространения пороков и забвения норм христианской нравственности образ великого святого, подвижника и покровителя обители помогает всякому христианину, ищущему спасения и стремящемуся к достижению единства с Богом, обрести яркое свиде-

тельство жизненности Православной веры, способной по милости Божией укрепить нас в преодолении всех искушений и напастей, встречающихся на пути нашего земного странствования.» (23)

Существует ли главное отличие святых от простых людей? Возьмусь утверждать, что это приобщенность к Святому Духу в христианстве, обладание божественным сознанием в индуизме и просветленным сознанием в буддизме. В христианстве Святой Дух исходит от Бога-Отца (Символ Веры).

«Один из великих парадоксов святости, – замечает К. Эрнст, – вытекает из ее наиболее отличительного свойства: самосокрытости. Ведь „это“ святого уничтожено, и как тогда прикажете распознать его? Древнейшие теоретические трактаты о святости настаивают на том, что святые известны только Богу; они не в состоянии распознать друг друга и могут даже не знать о том, что являются святыми.» (24)

Истинно свят только Бог. Святость исходит от него. Он ее источник и даритель. В этом согласны все развитые религии, исповедающие Бога. Святость – милость Божья. Зло же не может быть источником святости.

Всеу в мире подлежит Божья воля, а в духовной области – и предначертанность. Человек уже рождается с определенными наклонностями и способностями к духовному развитию, которые раскрываются в процессе следования Пути, указанном Богом.

#### Ссылки и комментарии

1. См.: [www.pravoslavie.ru](http://www.pravoslavie.ru).
2. См.: Петраш Ю. Г. Идея святости и культ святых (Научная концепция). – <http://www.proza.ru>.
3. См.: Источник. – <http://www.istok.ru>.
4. Полонский П. Совместимы ли «религиозность» и «светскость»? – <http://www.machanaim.org>.

Провозглашать святость целого народа весьма рискованно. Религиозные евреи придерживаются такой самооценки и ныне. Но те, кто непосредственно знаком с израильянами и их реальной жизнью, и кто искренен, вряд ли с ней согласятся. А критика репатриантами из СНГ («русских евреев») израильской действительности бывает очень жесткой: одна из русскоязычных газет утверждала, что «не может быть святым народ», до 1 млн. представителей которого ежемесячно посещает проституток (единственное, что здесь вызывает сомнение – приведенная цифра, так как население Израиля не превышает 7 млн. человек).

На мой взгляд, вся история человечества, как и история самого еврейского народа, подтверждает невозможность всеобщей святости. Ее идея лишь логическое продолжение тезиса о святости народа Израиля, который, в свою очередь, опирается на краеугольное основание иудаизма, утверждающее богоизбранность евреев.

Однако, в данном случае вопрос о святости особенно не прост. Дело в том, что иудаизм и христианство святость понимают по разному. Согласившись перед Богом принять Тору, еврейский народ стал святым. И достаточно. Поэтому строгая критика высокого самомнения иудеев имеет смысл фактически лишь с позиций христианства или выросших из него общественных норм.

Кстати, в XIX в. французский социолог Э. Дюркгейм пришел к выводу о том, что на ранних стадиях исторического развития индивидуальное сознание полностью поглощалось сознанием коллектива.

Академик В. П. Казначеев предложил гипотезу, согласно которой в определенной фазе эволюции человека произошел скачок, и в нескольких районах Земли одновременно голо-

графические нейрональные объединения стали общими, едиными мозговыми организациями, а стая или род – «интеллектуальными пятнами».

Личность в таком пятне отсутствовала. Постепенно в процессе адаптации к земным условиям формировалась вербально-семантическая форма интеллекта. В существовавшем обобщенном интеллектуальном «пятне» с нарастанием процессов вербализации закладывались социально-личностные, персональные отношения, формировалась личность. (См. также: Прилуцкий Е. А. Глобальное и планетарное сознание/Введение)

Думаю, что чем древнее религия, тем более архаичные формы сознания она закрепляет. Это же можно сказать и о стадии развития сознания, на которой находится тот или иной народ в момент появления религии. Социально-исторический фактор конечно же вмешивается в имманентный процесс религиозной самореализации и, очевидно, искажает его восприятие человеком.

5. Прейгер Д., Дж. Телушкин Дж. «Восемь вопросов об иудаизме» – <http://www.istok.ru>.

6. Петраш Ю. Г. Идея святости и культ святых (Учение богословия). – Там же.

7. См.: Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М.: Изд-во «Мысль», 1970.

8. Эрнст К. Суфизм. – <http://www.sufism.ru>.

9. См.: <http://express.irkutsk.ru>.

10. См.: <http://www.bharata.ru>.

11. См.: <http://east.philosophy.pu.ru>.

12. О правомерности использования понятия «спасение» применительно к буддизму автор высказал свое мнение в работе «Об идее спасения».

13. См.: Банк рефератов по философии. – <http://www.filreferat.popal.ru>.

14. См.: <http://stud.ibi.spb.ru>.

15. Базиленко И. В. Краткий очерк истории и идеологии бахаизма (XIX – XXвв.).

Баха-улла (Баха-Алах), несомненно, был крупной личностью, обладавшей сильной харизмой.

Но если посмотреть на мощь божественных откровений в христианстве и иудаизме, даже на откровение

Мухаммеда в исламе, то бахаизму здесь явно не хватает убедительности. Бахаизм – главным образом плод человеческого ума и стремлений, пусть и благих.

Объединительные религии достаточно искусственны. Тем не менее, они отражают чаяния части человечества, осознающей важность единства.

16. Фрэнкель С. С. Указ. соч., с. 376—378.

17. См.: Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен/ Под. общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 1995. С. 345—356. – <http://rchgi.spb.ru>.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.